

Славянский вопрос. Ответ Бакунина Герцену

Михаил Бакунин

Оглавление

I. На чем мы стоим	4
II. Ответ Бакунина Герцену <i>(продолжение, смотреть предыдущий номер)</i>	9

Август 1867, Италия.

Из «*Libertà e Giustizia. Foglio settimanale democratico-sociale*», Неаполь, 31 августа и 8 сентября 1867. Текст разделен на две части, публикатор к их названиям добавил "I. На чем мы стоим" и "II" соответственно. В примечание добавлен текст недатированного фрагмента, по содержанию очень похожий на это сочинение

I. На чем мы стоим

Мой дорогой Герцен,

Я не буду благодарить тебя за лестные слова, которые ты был так добр выразить в своем письме. Между нами нет нужды в комплиментах, ведь ты просто высказал свои мысли. Но я боюсь, мой дорогой друг, что это письмо может вызвать недоразумение и заставить нас обоих в глазах плохо информированной европейской общественности выглядеть сторонниками панславистской политики, предпринятой императором Николаем и затем энергично продолженной российским правительством, против которой мы, напротив, всю жизнь боролись.

Что касается второго Славянского Конгресса (а не первого, как ты его неправильно называешь, поскольку первый, гораздо более важный, чем этот, состоялся в Праге в 1848 году под предлогом славянской этнографической выставки, и я действительно горжусь тем, что был его участником), что касается, итак, этого нового Конгресса, который состоялся в Москве, ты удивляешься и огорчаешься тому, что мое имя не было упомянуто, учитывая, как ты справедливо замечаешь, что я был одним из первых русских, кто не только теоретически, но и активно и практически поддержал развитие, если не окончательное решение, Боже мой, еще столь далекое, великого и сложного освобождения славянской расы. И действительно, это дело ни простое, ни малое, поскольку речь идет об освобождении ста миллионов рабов, живущих в Европе, включая шестьдесят миллионов славян Российской империи. Их рабство, возможно, не менее тяжелое, чем рабство славян в Турции. Кроме того, ты отдаешь мне должное за то, что я всегда считал себя довольным, действуя в соответствии со своими глубокими убеждениями, не заботясь ни о тщеславии, ни о публичном признании. Затем, пошутив над тем, как странно были искажены твои и мои идеи, прежде чем они были представлены публике как в Санкт-Петербурге, так и в Москве, ты добавляешь примерно следующее: «нам неважно, будут ли наши имена упомянуты или нет, если семена, которые мы посеяли, дали урожай, в котором пшеница, безусловно, смешалась с плевелами, но который, тем не менее, обещает быть обильным».

В этом месте, мой дорогой Герцен, я должен сделать замечание и, если понадобится, возразить. Ты же наверняка не хотел сказать, что дело, которому этот конгресс славянских глупцов и самозванцев посвятил свою работу среди банкетов и пиршеств, то же самое, которому ты и я посвятили свою жизнь с тех пор, как осознали себя?

Если бы это было твоей мыслью, я бы действительно должен был протестовать со всей силой своей души. Но ты не мог так полагать. Что общего между целью, к которой мы всегда стремились, и той, которую сегодня преследуют в Санкт-Петербурге и Москве с разрешения российского правительства? Какая солидарность может быть между нами, непримиримыми противниками не только имперской тирании, но и любой насильственной унитарной системы, которая под предлогом управления нами давит на нас и душит нас, и этими панславистами, добровольными рабами, фанатиками этой чудовищной централизации, которую называют русской империей? Мы всегда хотели свободы, полной свободы – научной, социальной, политической и религиозной; они всегда и везде предпочитали рабство во всем. Мы искали истину без оговорок; они – вечную ложь. Мы всегда хотели быть людьми прежде, чем русскими, а эти русские в конце концов забудут, что они люди. Извращенные не столько страстью дикого патриотизма, сколько смешным тщеславием, они опозори-

ли русское имя и унизили дело нашей родины. Еще раз: что общего между ними и нами?

Ты, Герцен, когда-то мог согласиться с ними в той или иной идее, которую ты так ясно изложил в своих сочинениях, касающихся общинной организации землевладения в нашей стране и того, что ты так верно называешь традиционным и естественным социализмом русского крестьянина. Но даже в этом вопросе между вами лежит пропасть! Наши панслависты хотели бы, чтобы в этом общем пользовании землей преобладало патриархальное начало, отцовская власть и, прежде всего, опекунская и верховная власть царя, этого отчужденного от всей нации отца, с неизбежным следствием в виде власти его чиновников, готовых как воровать, так и бить, и все это с благословения нашей дорогой и святой официальной православной Церкви. Ты, социалист до глубины души, ненавидишь патриархат и патерналистский режим, постоянную причину застоя и апатии, оглупления и медленной коррупции как семей, так и народов. Ты думаешь, что можно обойтись без царя и его чиновников. Ты ненавидишь нашу клерикальную бюрократию так же, как военную и гражданскую, или, вернее, ты вообще не любишь и не уважаешь нашу Церковь, эту религиозную полицейскую институцию, которая живет в интересах Государства – самую жестокую, самую глупую и самую презренную из всех Церквей – ты, который вообще отвергаешь то, что называется культом Государства.

Затем, переходя к последним пунктам, ты, по крайней мере в теории, являешься решительным противником любой религии и любой Церкви, как и любой власти Государства. Ты хочешь свободной организации общества *снизу вверх*, в соответствии с его естественными притяжениями, интересами и потребностями и без какого-либо другого руководства, кроме разума, как общего, так и индивидуального, как научного, так и практического, а не *сверху вниз*, по методу централизованных и унитарных государств, которые всегда и при любых обстоятельствах основываются на вооруженном насилии и систематическом отравлении населения, поработанного религиозной ложью. Эта ложь, которая в цивилизованных странах и для образованной молодежи заменяется ложной наукой и мелочным доктринаризмом небольшого числа официальных, патентованных и привилегированных мыслителей, которые по этой самой причине стремятся лгать во имя той истины, которую они считают своей миссией преподавать. Любящий свободу, ты требуешь для всех разумных и реальных средств существования и требуешь участия всех в собственности на землю и капитал. Одним словом, ты *федералист*, ты *социалист*. Я с тобой согласен. Что же общего между нами и панславистами из Москвы?

Я сам согласился с ними в одном: в том, что не хотел игнорировать славянский вопрос, как многие другие русские нашего толка. Я всегда понимал, что этот вопрос имеет первостепенное значение не только для России, но и для всей Европы, и что будущее Европы зависит от того, как он будет решен. В результате я всегда сталкивался с дилеммой: в руках свободы славянский вопрос станет ли мощным инструментом для освобождения России от ее нынешнего рабства? Или в руках российской империи он станет не менее мощным оружием против свободы всей Европы? Кстати, в отличие от независимых и искренних панславистов, – панслависты, находящиеся на службе у российского правительства, не имеют ни мнений, ни страстей, – я чувствую себя славянином. Как и эти бедные простаки из имперской

панславистской политики, я испытываю глубокую симпатию к нашим славянским братьям, также угнетаемым Пруссией, Австрией, Турцией и Российской империей.

Между этими панславистами и мной есть одно небольшое различие: они ждут освобождения славянской расы от подъема могущества Царской империи, а я жду его от ее разрушения. Потому что я убежден, что пока существует эта империя, полуславяне Великороссии, чистые славяне Малороссии, Подолья, Волыни, Беларуси, Литвы и Польши будут удерживаться ею в самом жестоком рабстве не столько из-за злобы нашего правительства, которое, впрочем, никогда не отличалось добротой, сколько из-за необходимости, присущей самому существованию империи. Части этого рокового имперского скопления, чуждые друг другу по инстинкту и интересам, связаны между собой лишь убедительной силой шпаги и кнута, империя может править и существовать только с помощью насилия. Будучи неизбежно деспотичной внутри, она не может не стремиться к уничтожению всякой свободы и не осуществлять это за пределами своих границ. Поэтому нужно быть совершенным безумцем, чтобы ждать от нее освобождения Славян от Пруссии, Австрии и Турции! Разве когда-нибудь видели, чтобы зверство шло рука об руку с человечностью, а деспотизм – со свободой?

Но когда же наконец поймут, что только свободные люди и нации могут создавать, служить и защищать свободу, а деспотизм вмешивается в нее только для того, чтобы предать и уничтожить ее? Являясь рабами больше, чем все другие рабы в мире, московские панслависты претендуют на то, чтобы дарить свободу другим! Но сначала сами разорвите свои цепи; сначала дайте миру это доказательство независимости, достоинства, человечности, прежде чем проповедовать народам справедливость и свободу! Иначе каждый раз, когда вы будете об этом говорить, вас будут справедливо считать обманщиками или инструментами обмана.

Больше всего я боюсь за наших славянских братьев именно из-за этой традиционной обманчивости в нашей империи. Будучи жестокой внутри страны, российское правительство всегда было чрезвычайно лицемерным за ее пределами, создавая до сих пор такой образ, который, по его мнению, позволяет ему давать волю своей дорогой и естественной жестокости, не подвергая себя опасности. Польша и Малороссия, славянские страны по преимуществу, знают об этом не понаслышке! Больше всего я боюсь за своих славянских братьев, именно из-за действий этого правительства, унижительных, деморализующих и настолько пагубных для славян, настолько разрушительных для самой жизни и всего будущего славянской расы, что я всегда утверждал, что для наших братьев лучше еще некоторое время потерпеть варварское угнетение Турок и все цивилизаторские притеснения Немцев, чем быть спасенными Царями. Ведь, покрывая их своей чудовищной и огромной протекцией, они рискуют убить в них то, что ни Турки, ни Немцы никогда не смогли уничтожить: славянскую душу, славянский язык и обычаи, их естественную свободу и свободу их общин и провинций, их традиционный социализм, ту экономическую солидарность, которая не лишает никого возможности пользоваться землей и их прекрасным славянским братством. Одним словом, все те драгоценные элементы, которые славяне сохранили на протяжении веков, пережив самые страшные события, и которые, обогащенные новым духом, духом великой Справедливости, великой Свободы и всеобщего Братства, могут однажды стать основой новой цивилизации.

(продолжение следует)

II. Ответ Бакунина Герцену
(продолжение, смотреть
предыдущий номер)

¹Еще одно различие, огромное, отделяет меня от наших панславистов. Они приверженцы унитаризма любой ценой, всегда предпочитая общественный порядок свободе, в то время как я анархист и предпочитаю свободу общественному порядку, или, вернее, чтобы не дать повода своим врагам для мелочных нападков, я федералист от головы до ног. Я обожаю братство и единство и считаю, что человечество будет неуклонно стремиться к объединению в свободе, чтобы сформировать, я не знаю когда, великое мировое братство. Но я ненавижу централизованное единство, которое сегодня продается на больших рынках, где торгуют спасением народов: в Санкт-Петербурге, Вене, Берлине, Париже, сегодня, возможно, даже в... и всегда в Риме. Это чрезвычайно автократическое, католическое, религиозное, божественное, сверхчеловеческое и, следовательно, мадзинистское мнение. Она является общей для Национального Конвента, Робеспьера, Сен-Жюста, Наполеона, фанатиков-панславистов греко-московской православной церкви и, прежде всего, для папы римского, этого великого еретика для нас, схизматиков! Поэтому я ненавижу это единство, настоящую могилу ума и свободы, не только в отношении внутренней организации наций, но и в отношении рас. Поэтому я не могу не ненавидеть панславизм, но в то же время и пангерманизм, панлатинизм и все «пан-измы» земли, будучи убежденным, что под каждым из этих понятий скрывается отрицание человечества и страшная опасность для всеобщей свободы. Правда, иногда это позволяет завоевать и даже на время сохранить огромную материальную мощь, которая, впрочем, всегда достигается за счет жертв ума, но никогда не приводит к интеллектуальному и моральному величию и даже к длительному процветанию. Это может принести человечеству бедствия, но никогда не принесет добра.

Возвращаясь к Славянскому Конгрессу, который состоялся в Москве и который ты, мой дорогой, неправоммерно называешь всеобщим, хотя Поляки на нем не присутствовали, я считаю его настоящей катастрофой и большим несчастьем для славянского дела. Эти славянские депутаты, которые, без сомнения, утратили всякую надежду на потенциальную силу и внутреннюю живость своих народов до такой степени, что пожертвовали царю Александру ревнивым чувством автономии и духом местной независимости, составляющими саму суть славянского характера, отправились в Санкт-Петербург просить помощи у империи, которая не является славянской, которая, кстати, русская только по названию и которая всегда обманывала, предавала и продавала Славян; империи, которая никогда не уважала никаких прав и даже

---

¹ Имеется недатированный фрагмент сочинения, похожий по содержанию начиная со второго абзаца:

«...и которое, следовательно, делало до сих пор [неразборчиво] невозможным образование централистского, бюрократического и военного славянского государства... Наконец, это прекрасное славянское братство, которое могло бы перестать существовать, если бы Славяне, принеся Авеля в жертву Каину, приняли последнего в свое лоно как старшего брата... словом, все те драгоценные элементы, которые славяне сохранили посреди ужасных превратностей, обрушившихся на них в течение веков, и которые, оплодотворенные новым духом: духом великой справедливости, великой свободы и всеобщего братства, могли бы однажды стать элементами новой и великой цивилизации.

Есть еще один момент, который глубоко отделяет меня от наших панславистов. Они все те же унитаристы, всегда предпочитающие дисциплину, ярмо власти, величественное и однообразное единообразие и общественный порядок свободе. Я анархист, я сторонник жизни внизу против всех законов, властно и доктринально навязанных сверху, и я всегда и везде предпочитаю свободу порядку...» (*Paris, BN, FR Nouv.Acq. 23691, одна страница рукописи*)

никаких народных обычаев, которая, например, сегодня деспотически навязывает населению Малороссии язык Великороссии, так же как в прошлом веке она таким же образом навязала им крепостное право; империи, которая с самого начала своего существования не умела ничего, кроме как эксплуатировать, грабить, подчинять, изгонять, подавлять, массово убивать народы и отдельных людей ради единственной выгоды своей огромной стаи чиновников и для величайшей славы своего истинного Бога: Царя. Эти депутаты, я говорю, выбрали самый печальный момент, чтобы совершить этот акт самоотречения и подчинения.

Герцен, ты жалуешься на то, что мое имя было забыто на этом Славянском Конгрессе. Но было забыто имя гораздо более важное, чем мое, имя великой, благородной и несчастной Польши, без возрождения и восстановления которой никогда не будет ни свободы, ни существования славян, и от которой новый славянский император Александр II, именно накануне этого собрания депутатов в Москве, приказал уничтожить и русифицировать, то есть полностью и окончательно татаро-германизировать. Чтобы добраться до России, многие из этих депутатов должны были пересечь эту Польшу, еще всю в крови, опустошенную и дрожащую от ужасов последних репрессий. Они наверняка обнаружили там следы *Москальского*² братства, и, честно говоря, я не понимаю, как, предупрежденные этими ужасными знаками, они не развернулись и не бежали подальше от этого святотатского съезда! Но нет! Они смело прошли по трупу славянской нации, чтобы пожать руку ее палачам. Вот истинный характер этого конгресса: он состоялся на трупе Польши. Простаки или предатели, глупцы или обманщики, идиоты или злодеи – таковы доминирующие черты членов этого пагубного собрания русских и славянских депутатов в Москве. А те, кого нельзя отнести ни к одной из этих категорий, те, кого просто увлекли или обманули, должны были вернуться домой навсегда излеченными от москальского братства.

Я прочитал, мой дорогой Герцен, отчеты о московском конгрессе, на который наше правительство, несомненно, чтобы сделать московскую делегацию более полной и правдоподобной, отправило в полной форме множество больших и малых чиновников, не забыв проклятых душ Шуваловых, сотрудников высшей полиции, включая даже жандармов, которые, естественно, являются самыми ярыми патриотами империи. Корифеи сегодняшней терпимой и разрешенной литературы, литературы, которая находится под защитой и продается, некоторые красные бюрократы и патентованные демократы Государства: вот русские Демосфены и Цицероны этого конгресса. Я прочитал их речи: какая ложь! Какое кощунственное злоупотребление святейшими словами и какие презренные мысли! Какая детскость и смехотворная хвастливість! Какое подлое раболепие и какой эгоизм! Можно сказать, что все негодяи и подлецы земли собрались, чтобы объявить миру о наступлении глупости и полной безнравственности! Так вот какова программа молодой и многообещающей расы, расы, которая, возможно, ошибочно, хвастается тем, что является наследницей двух других, предшествовавших ей в истории?

---

² Я, со своей стороны, принимаю это прозвище «москаль», которое Поляки ошибочно используют для обозначения всех нас, народа и правительства. Я принимаю его, чтобы применять исключительно ко всему нашему официальному миру. Так его понимают русские из Малороссии, которые называют «москалями» даже своих соотечественников, когда те становятся солдатами, служащими или даже литераторами и писателями, преданными российскому правительству. (примечание автора).

Один молодой Серб написал в *Альбоме* одной великой московской дамы следующие запоминающиеся слова: «Счастлив народ, обладающий национальным дворянством!» Несчастный! Чтобы наказать его за эту нелепость, я бы *просто* приговорил его к тому, чтобы он оказался на месте русского крестьянина десяти или даже пяти лет назад, да что там, даже сегодняшнего, чтобы он навсегда забыл о прелести национального дворянства. Один Русский произнес речь, полную наивысшей глупости, содержание которой примерно сводилось к следующему: «Мы, Русские, находим любой повод, чтобы напиться. И радость, и печаль заставляют нас пить. Когда вы приехали, мы напились, чтобы выразить свою радость, а сегодня мы пьем, потому что нам грустно, что вы уезжаете. Мы надеемся, что мы снова встретимся и снова будем вместе напиваться». Эх да! Бедные славяне, бедные простаки! Этот несчастный прав, когда выделяет дурака. Когда вы окажетесь под покровительством императора России, у вас не останется никакого другого утешения, кроме этого, и, как русский народ, отчаявшись от реальности, по крайней мере кажущейся безвыходной, слишком реалистичные, чтобы довольствоваться религиозными утешениями, вы будете искать рай в пьяном угаре.

Но самой красивой речью была речь князя Черкасского. Я ошибся, сказав, что никто на этом конгрессе не вспомнил о Польше. Один из старейших и наиболее влиятельных чешских депутатов, Ригер, бывший ярый сторонник Австрии, а ныне русофил, один из тех, кто ищет спасения своей родины не в правде и твердости принципов, но в интригах дипломатии, все же стыдился трусливого молчания всех этих собравшихся славян по поводу великой несчастной и отсутствующей славянской нации, и в очень робкой, полной страха и уступок речи перед палачами этой нации, чье гостеприимство он принял, осмелился все же сказать, что Польша имеет право занять свое законное место на славянском конгрессе. Князь Черкасский ответил ему. Бывший славянофил и сторонник старой Боярской Московии, князь Черкасский прославился тем, что больше всех способствовал сохранению телесных наказаний в наших сельских общинах; хитрый³ полякофоб, он был одним из тех добровольцев-чиновников, которые после победы последовали за государственным советником Милютиным в Польшу, чтобы демократизировать ее в интересах России. Вы меня понимаете! Большинство этих демократов-реформаторов вернулись домой с полными карманами! Итак, именно этому человеку, великому знатоку польского вопроса, выпала честь ответить Ригеру.

«Польша», сказал он, «это виновная и предательская славянская нация. Она утратила всякое право на нашу симпатию и даже на наше сочувствие. Однако наши сердца не каменные, и если она вернется к нам, отказавшись от своих обычных высокомерия и гордости, но с раскаянием и смирением, тогда, и только тогда, мы сможем простить ее!»

После этой речи ни один из славянских депутатов не покинул зал! Ты понимаешь, Герцен, что ни твое имя, ни мое не могли и не должны были произноситься на этом собрании.

Но первый славянский Конгресс, состоявшийся в Праге в 1848 году, не был таким. Он не был результатом отчаяния и отказа от всех принципов, прав, веры и челове-

---

³ Возможно, игра слов – «rusé» (хитрый) похоже на «russe» (русский).

ческого достоинства, как это было в случае с Московским конгрессом. Последний был результатом глубокой деморализации, охватившей Европу после неудавшихся попыток революции 1848 и 1849 годов, после катастрофы в Новаре⁴, подчинения Венгрии, декабрьского переворота⁵, триумфов политики Кавура⁶, кровавого подавления последнего польского восстания, завоеваний австро-пруссом в Дании⁷ и, наконец, недавних триумфов политики и прусско-бисмарковского единства во всей Германии...⁸ Одним словом, от утверждения в Европе исключительного господства силы и великих...

Но Пражский Конгресс был сыном Революции. Он обладал всей ее молодостью, всей ее щедростью, всей ее верой! Верой, увы, уже угасшей, но которая, тем не менее, была доказательством жизни и гарантией будущего.

В небольшой брошюре⁹, которую я опубликую как можно скорее, я расскажу о работе этого конгресса и о том, какую роль я в ней сыграл. Но прежде чем закончить это письмо, я должен добавить еще кое-что.

*(продолжение следует)*¹⁰

---

⁴ Битва при Новаре (1849) – битва между Сардинским генералом Войцехом Хржановским (или Хшановским, поляком) и Австрийским генералом Йозефом Радецким (чехом по происхождению) в ходе Австро-итальянской войны, войны против австрийского господства в Италии, также известна как первая война за объединение Италии. Венеция и Ломбардия были освобождены от власти Габсбургов в ходе народных восстаний. Битва при Новаре Сардинией была проиграна и привела к отступлению сардинской армии из Пьемонта.

⁵ Государственный переворот 2 декабря 1851 года, в результате которого Луи-Наполеон Бонапарт стал императором, упразднив установленную народным восстанием три года назад республику.

⁶ Возможно, «триумфов» здесь – ирония, так как Сардиния при его правлении не смогла изгнать австрийцев из Италии. Кавур также завлек Сардинию в Крымскую войну против России.

⁷ Захват всего Шлезвига-Гольштейна с датским преобладанием на севере, и немецким на юге провинции.

⁸ Среди «триумфов» бисмарковской политики можно считать основание год назад Северогерманского союза, включавшего все немецкие княжества, кроме Баварии, Баден, Вюртемберга, Люксембурга, немецко-швейцарских кантонов и Лихтенштейна.

⁹ О какой именно брошюре идет речь и вышла ли она вообще нельзя пока сказать наверняка.

¹⁰ Статья не была продолжена.

Библиотека Анархизма
Антикопирайт и инфоанархизм

Михаил Бакунин
Славянский вопрос. Ответ Бакунина Герцену

IISG

ru.anarchistlibraries.net